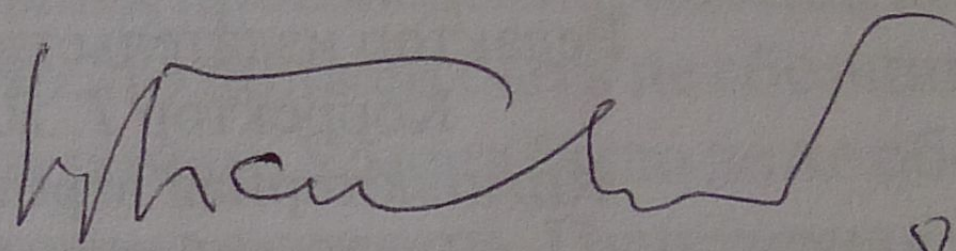

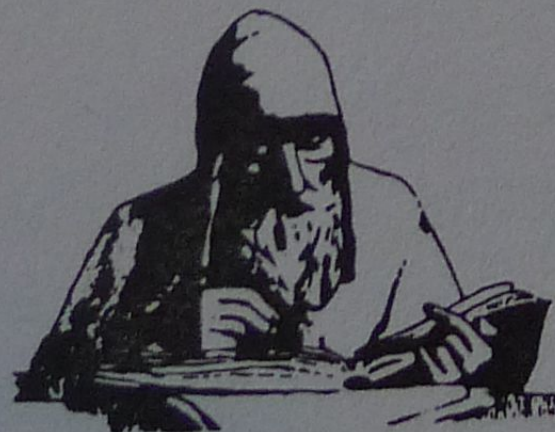
Вадим Баевский

Роман одной жизни

Моей дорогой, талантливой, мучительно
умнице Алёксе Кисовой, которая в
многом обязана.

3 февраля 2008

{настоящее}
{прошедшее}

Издательство
«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2007

глава двадцать первая
СМОЛЕНСКИЙ СОКРАТ
А. В. Македонов

Жизнь Адриана Владимировича Македонова пролегла через весь XX в. Он родился в первом десятилетии, умер в последнем.

В автобиографических записях А. Т. Твардовского под 1928 г. значится: «Македонов, дружба». А. В. 19 лет, Твардовскому 18. Позже на редкость независимый Твардовский так оценил свои отношения с А. В.: «Как поэт, во многом обязан ему своим творческим развитием» («Сельская новь». 1992. 4 декабря).

С этими словами совпадают свидетельства самого А. В. В книге «Эпохи Твардовского» он рассказывает о поэте: «В личной жизни весь смоленский период характеризовался особенно близкой дружбой с автором этой книги, систематическим обсуждением почти всех новых стихов и даже всех вопросов жизни». И в другом месте: «Полушутя он называл меня тогда своим университетом». По утрам Твардовский любил приходить к А. В. Еще до того, как он появлялся в комнате, раздавался стук в окно и звучал его неслабый голос:

— Сократ дома?

Невысокий, курносый, некрасивый, диспластичный, с большим лбом и выразительными чертами лица, А. В. действительно напоминал дошедшие до нас описания внешности и изображения древнегреческого философа. Но емкое прозвище вбирает в себя и многое другое: пронцательный ум, пристрастие к спорам на отвлеченные темы, философские интересы, сопровождавшие А. В. на протяжении всей жизни, органически присущие его сознанию диалогизм, ориентированность на другого, на собеседника или объект мысли.

В своей последней поэме Твардовский вспомнил их общую молодость, безоблачные надежды, порыв в будущее:

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.

.....
Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт,
Кидая наше захолустье
В обмен на целый белый свет.

И умудренный опытом всей жизни — своей и своего друга — с иронией и без иронии одновременно, окинул он взглядом те дары, которые жизнь им обоим готовила:

И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на потом.

В числе этих даров было главное: оба вполне реализовали свое призвание. Но было и иное: война, потом ожесточенная общественная борьба во главе лучшего русского журнала для одного, арест и концлагерь для другого...

Сквозная тема дружбы этих двух людей получила отражение в последнем, насколько мне известно, письме Твардовского, полученном Македоновым. Оригинал хранится у автора настоящей книги. Здесь как раз и идет речь о поэме «По праву памяти», которой первая часть с великим трудом увидела свет в № 1 «Нового мира» за 1969 г.

«Пахра, 29.IV.69.

Дорогой Адриан Владимирович!

А я-то думал, что такое: молчит Македонов, не отвечает даже на листы верстки № 1 со стихами, посланными тебе еще задолго до выхода журнала. По-видимому, ты их и не получал совсем. Отнесем это к несовершенствам органов связи, которыми всегда страдала наша страна.

В оценке напечатанных в № 1 стихов ты совершенно прав, так нечего распространяться. Только вот что: отрывок «На сеновале» — главка нынешнего (сданного в № 5 — безнадежно) «триптиха», второй частью которого является глава «Сын за отца не отвечает» (совсем другая!) и третьей «О памяти», тоже вышедшая из той, известной тебе «главы», которую ты, конечно, в архиве можешь сохранить, но вообще уже ее нужно забыть. Кажется, завтра уже будет сверка, т. е. чистые листы верстки, правленные, и я ее пошлю тотчас. Мне очень интересно будет твое мнение об этой штуке, писавшейся долго (лет около 10 с перерывами, конечно, по году и по три) и трудно и, кажется, в конце концов отпустившей меня.

А покамест с праздником тебя и Раису Абрамовну. Будьте здоровы. Кажется, во второй половине мая или в конце приеду в Ленинград, — давно собирался.

Твой А. Т.»

В архиве Македонова действительно сохранилась машинопись с авторской правкой ранней редакции этой поэмы, еще не утратившая связи с поэмой «Задалью — даль». Дата этой машинописи: 1963–1967. Рукой Македонова сделана надпись: «1-й вариант. Прислал А. Твардовский». Он отметил все места, впоследствии переработанные поэтом, и сделал несколько карандашных замечаний. Мне не известно, сообщил ли он их Твардовскому.

Замечание вызвали стихи:

В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:

Ведь вы отца не выбирали, —
Ответ — по-нынешнему — прост.

Македонов приписал: «Однако если ты написал в анкете, что ты сын иерусалимского раввина, то вряд ли тебе дадут командировку за границу».

Да, он умел без оговорок,
Внезапно, как уж припечет,
Любой своих *просчетов* ворох
Перенести на чей-то счет; <...>

Слово *просчетов* Македонов подчеркнул, а на полях написал: «Не то слово». В окончательной редакции поэмы оно осталось.

Нет, все, что стало или станет,
Нам не *отринуть* с плеч своих.
И Ленин нас судить не встанет, —
Он не был богом и в живых.

Слово *отринуть* Македонов подчеркнул, а на полях написал: «Слово отринуть подходит ли?» В окончательной редакции это слово устранено.

В 1950–60-е гг. А. В. ценила Ахматова. Она познакомила его с Н. Я. Мандельштам, которая при всей своей строгости к людям — к А. В. относилась с симпатией и охотно с ним общалась.

* * *

А. В. родился в Смоленске 22 мая 1909 г. Его отец Адриан Эмильевич Флесс оставил его мать вскоре после рождения сына, так что родного отца А. В. не знал. Он встретился с отцом один-единственный раз уже взрослым человеком. Приемным отцом А. В. стал Владимир Карлович Альтберг, за которого вышла замуж мать А. В. Во время гражданской войны В. К. Альтберг находился на Астраханском фронте в качестве красноармейца 300-го полка и умер от сыпного тифа. С десяти лет А. В. рос на руках матери и бабушки.

Екатерина Львовна Македонова-Альтберг родилась в Москве в 1883 г., с отличными успехами окончила Смоленскую Мариинскую женскую гимназию, а затем дополнительный 8-й педагогический класс Воронежской Мариинской гимназии. Ее родители были эсэрами, она сама успела побывать в этой партии, в 1921 г. ее на короткое время арестовала ЧК. После освобождения она преподавала английский язык в смоленских техникумах. О ее смерти я расскажу позже.

Однажды А. В. написал мне, а при встрече вспомнил в беседе о своей бабушке со стороны матери Маргарите Николаевне Македоновой. Она родилась в 1859 г. Когда началась Великая Отечественная, ей было не по силам эвакуироваться. Жена А. В. отвезла ее в деревню Русилово под Смоленском и «оставила там ценные вещи у местной женщины, которая обещала о ней заботиться и сохранить мою диссертацию об эстетике Белинского; диссертация была закопана в землю» (письмо А. В. ко мне от 09.07.88). Диссертация

сохранилась, о ней речь впереди, а Маргарита Николаевна умерла в 1944 г. В конце 80-х А. В. с дочерью поставили там ей памятник.

* * *

Ссылка на письмо А. В. напоминает мне о необходимости обозначить источники данной главы. Это разговоры с А. В. и отразившие их записи в моем дневнике; хотя мы жили в разных городах, обстоятельных многочасовых разговоров у нас было не так уж мало: думаю, не меньше двух десятков. Это 136 писем А. В. ко мне, хранившихся в моем архиве и потом переданных моей ученице Элеоноре Леонидовне Котовой, автору замечательной диссертации об А. В. Часто это послания на 8–10 страницах, покрытых совершенно нечитаемыми строчками. «Твой трагический почерк», — написал ему однажды Твардовский. Только некоторый опыт архивных занятий, связанных с необходимостью разбирать черновые рукописи, помогал мне в течение нескольких дней расшифровать такой текст. К счастью, значительную часть писем перепечатывала по поручению А. В. машинистка; в таком случае обычный их объем — четыре страницы через полтора интервала. Пожалуй, наиболее показательны во всех отношениях (включая своеобразный синтаксис со сверхдлинными предложениями, сложными периодами, обширными вводными и присоединительными конструкциями, как-то передающими многомерность мысли) приводимое ниже в двух фрагментах — одном кратком, другом — охватывающем более половины всего текста, письмо от 20 октября 1983 г. В своей совокупности письма А. В. ко мне составляют разносторонне содержательный комплекс источников, который далеко не может быть исчерпан в рамках настоящей главы, как ни широко я его привлекаю. Как ни интересны письма А. В. многими подробностями, я привожу их здесь лишь в отрывках, непосредственно относящихся всякий раз к предмету речи. Более полная разработка и публикация их еще предстоит. Далее, мои источники — это документы Государственного архива Смоленской области и архива управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области. И, наконец, я опираюсь на печатные материалы — статьи и книги самого А. В., статьи и рецензии о нем, его интервью.

* * *

А. В. окончил Показательную школу при Смоленском университете (1925), педагогический техникум в Алексине (1927), отделение языка и литературы педагогического факультета Смоленского университета, (1930), аспирантуру по специальности «русская литература» при Смоленском педагогическом институте (1936); здесь его руководителем был известный московский исследователь русской литературы XIX в. профессор А. Г. Цейтлин. И еще одно образование получил А. В.: в 1932–33 гг. он служил в Красной Армии в Первом смоленском артиллерийском полку и получил звание командира взвода.

* * *

С 18 лет А. В. вошел в литературную жизнь Смоленска, начал печататься в здешних журналах и газетах, познакомился с местными литераторами, а с неко-

торыми сблизился на всю жизнь. По окончании университета он служил ответственным секретарем областного издательства, затем журнала «Наступление», был работником организации РАПП Западной области (центр ее находился в Смоленске, а охватывала она территорию нескольких областей по современному административному делению). Когда в конце 1927 г. А. В. вступил в РАПП, в анкете следовало указать любимого поэта. «Мандельштам», — написал А. В.

— Ничего, нам и такие нужны, — сказал один из руководителей РАПП В. Ермилов.

Для начинавшего литератора в Смоленске тогда выбора не было: РАПП была единственной массовой литературной организацией.

В 1934 г. А. В. был избран на Всесоюзный съезд советских писателей в числе четырех делегатов от Западной области. Было ему 25 лет, и он оказался одним из самых молодых на съезде. С этих пор он — единственный среди смоленских критиков — стал много печататься в московских журналах «Литературный критик» (больше всего), «Литературное обозрение», «Литературная учеба», «Красная новь», «Знамя». Его темы — творчество Пушкина, Белинского, Гоголя, Чернышевского, Добролюбова, значительного числа советских писателей, Пруста, Селина, Барбюса. Значительное место занимала смоленская литературная жизнь. Многие вопросы А. В. рассматривал с точки зрения эстетической проблематики, писал об особенностях романтизма и реализма. Центральными были циклы статей 1935–1937 гг. о Пушкине и Белинском. Конечно, он выступал с марксистских позиций и подчеркивал это, однако решительно полемизировал с носителями вульгарного социологизма Динамовым, будущим исследователем литературных цитат Ленина Б. С. Мейлахом и будущим столпом официозного советского литературоведения М. Б. Храпченко.

* * *

Все это время А. В. поддерживал Твардовского и бесстрашно защищал его от многочисленных злобных нападок, носивших характер политических обвинений. Это хорошо видно по «Материалам к творческой биографии А. Т. Твардовского» Р. М. Романовой («Литературное наследство». Т. 93. М., 1983. С. 406–420). Упорная борьба шла в преддверии Всесоюзного съезда советских писателей. На предшествовавшем ему Первом съезде писателей Западной области доклад о поэзии сделал А. В. Он сказал о Твардовском, что это — «наиболее оригинальный, наиболее самостоятельно работающий из поэтов нашей области» («Наступление». 1934. № 5–6. С. 11). Враги Твардовского обрушивались на А. В. Яростную кампанию против Твардовского и А. В. вел поддержанный другими демагогами и завистниками В. Горбатенков. В статье «Кулацкий подголосок. О стихах Твардовского» он доносил, например, что «Македонов замалчивает идеологические и художественные пороки творчества Твардовского» («Большевицкий молодняк». 1934. 17 июля), и это далеко не единственное обвинение такого рода. Ярлык кулацкого подголоска легко было цеплять на Твардовского потому, что «раскулачен» и вместе со всей семьей сослан был его отец, а А. Т. Твардовский упорно и последовательно добивался отмены этого решения и возвращения семьи, из которой он вышел, домой.

Густая вязкая клевета, окружавшая Твардовского в первой половине 30-х гг., может сравниться только с тем, как травили его во второй половине 60-х гг. В. Кожевников, А. Овчаренко, М. Алексеев, В. Закруткин, П. Проскурин, А. Иванов (прозаик), А. Прокофьев, В. Чивилихин и др. поборники идеологической чистоты. И затравили — при его могучем здоровье — в шестьдесят лет. А. Первенцев на одном собрании сказал, что прежде чем вводить танки в Чехословакию, надо было ввести их в «Новый мир» («Новый мир». 1990. № 2. С. 206).

* * *

Я подхожу к наиболее драматическому моменту биографии А. В. — к его аресту. Но предварительно надо сказать о другом, по-своему не менее драматичном, хотя и не столь тяжелом по последствиям эпизоде — о незавершившейся защите диссертации.

Однажды в ходе обсуждения важного для него дела я предложил А. В. обратиться в Московский педагогический институт им. Ленина и получил неожиданный ответ.

«Кстати сказать, — с этим институтом у меня связаны сложные воспоминания, ради которых я немножко отвлекаюсь от деловых целей этого письма. В конце мая или в июне 1937 года в нем была назначена защита моей кандидатской диссертации «Проблема героя в эстетике Белинского». Уже было открыто заседание, представлены отзывы, более чем положительные (один из оппонентов писал, что моя кандидатская — это уже вполне докторская), собралось довольно много людей, так как уже были опубликованы циклы статей о Пушкине и Белинском, некоторые из них были включены в список рекомендуемых пособий для вузов. Пришел на защиту и молодой Твардовский. И вот секретарша по фамилии Звирбул (такая странная, но чем-то многозначительная фамилия) вдруг объявила собравшимся, что защита откладывается, так как диссертант отказался подписать предложенную ею якобы точную выборку из моей анкеты. В выборке этой были допущены явные передержки, и, по-видимому, из Смоленска уже поступил какой-то донос о том, что диссертанта прорабатывают и т. д. А вскоре в августе меня арестовали. Таким образом, диссертация не была оформлена.

После реабилитации я посетил этот институт, Звирбул была еще жива! И, кажется, в той же должности. Но диссертация моя исчезла, документация тоже, все оформление нужно было начинать сначала. А еще раньше А. Г. Цейтлин, мой научный руководитель по смоленской аспирантуре, говорил мне, что диссертация ходила по каким-то рукам в Москве. В известной монографии Лаврецкого я обнаружил следы ее чтения, хотя, к сожалению, с некоторой вульгаризацией и, конечно, без ссылок, что сам Лаврецкий впоследствии стыдливо объяснил мне обстановкой того времени. Так я и не стал возвращаться к диссертации, хотя ее объем — больше 30 печ. листов и хотя ее копия была удивительным и даже романтическим образом сохранена моей бабушкой: была зарыта в землю недалеко от Смоленска, перележала

там весь период оккупации, затем была открыта и возвращена мне и сейчас, весьма пожелтелая, занимает место на одной из полок моего архива» (13.05.85).

В следующий мой приезд в Ленинград А. В. мне ее показал.

* * *

Просматривая «Литературную газету» за 1937 г. в поисках материалов о Пастернаке, я наткнулся на сообщения, касавшиеся А. В. 10 сентября на с. 6 опубликована информация И. Жиги «Что было в Смоленском отделении Союза писателей». Здесь, в частности, говорится: «Македонов всячески раздувал “славу” поэта Твардовского <...>. Следует снова оценить творчество Твардовского и с большевистской прямоотой указать ему его место в советской литературе».

Уже в следующем номере от 15-го в заметке «У московских поэтов» рассказано, что секция выбрала комиссию в составе Д. Алтаузена, А. Жарова, Г. Санникова и поручила ей в пятидневный срок «ознакомиться с выступлением Твардовского на собрании смоленских писателей в защиту агента троцкистско-авербаховской банды в литературе — Македонова. Комиссии предложено заново ознакомиться с творческим лицом поэта» (с. 6). Расчетливые враги, добившиеся ареста А. В., вплотную подошли к осуществлению второй части своего плана — к аресту Твардовского. Однако здесь они потерпели неудачу. В номере от 5 октября, тоже на с. 6, небольшая статья «О поэте А. Твардовском» сообщила, что поэт был решительно осужден — к счастью, всего лишь московскими поэтами, а не палачами из НКВД.

Этим инцидент был исчерпан.

Сперва А. В. бесстрашно защищал Твардовского, потом, оказывается, после его ареста Твардовский публично встал на его защиту. Случай неслыханный, так как заступничество за «врага народа» должно было немедленно повлечь за собой безжалостную расправу. Я подумал, что эти материалы, опубликованные после ареста А. В., могли остаться ему не известны, и написал ему о них. Обоих участников драмы я назвал рыцарями без страха и упрека. Необыкновенное письмо от 12 ноября 1988 г. стало откликом на мой рассказ.

«Спасибо за доброе отношение и за ценную информацию о статье И. Жиги в “Л. Г.”, 1937, 10 сентября. Я о ней слышал, но не читал. А вторая заметка, от 15.IX, мне совсем не была известна, как и заметка от 5.X. Раньше я знал только, что Твардовский написал официальное заявление в Органы о том, что считает меня невиновным, и уговорил подписать его и М. Исаковского. Это заявление я очень ценю, оно сыграло положительную роль в (сначала даже удавшейся) попытке Раисы Абрамовны добиться пересмотра моего дела.

Машинистка, которая печатала мои работы, как-то пришла вечером к Раисе Абрамовне и призналась, что ее заставили написать фальшивый протокол писательского собрания, на котором меня прорабатывали — очень

усердно, но все же речь шла об ошибках, а не о контрреволюции. Главные пункты обвинения были моя статья о Маяковском, опубликованная после его смерти в "Рабочем пути", которого тогда редактором был Авербах. И второй, на деле главный — защита кулацких тенденций в творчестве Твардовского. Горбатенков и другие готовили общее дело против Твардовского и меня. И на следующий день после моего ареста приходили арестовать его там, где он жил в Смоленске. Постоянно жил он уже в Москве, но на лето приезжал в родные места.

В моем деле при допросе главным пунктом была защита кулацкого поэта Твардовского и его якобы кулацких строчек в "Стране Муравии", не пропущенных тогда цензурой: *"Ох, не били, не вязали, Не пытали, не пытали, Ох, везли, везли возами С детьми и печниками"* и т. д. Твардовский на следующий день после моего ареста успел уехать в Москву, и в Москве дело не получило хода из-за того, что ему не дал санкции Фадеев и, главное, из-за того, что самому Сталину понравилась "Страна Муравия". Поэтому и деятельность "комиссии Алтаузена, Жарова и Санникова" не дала результатов, на которые она была нацелена.

Думаю, что сам Твардовский на заседании секции поэтов в Москве не отрекся от меня, хотя в дальнейшем, надо сказать, остерегался как-нибудь хлопотать за меня и не поддерживал никаких отношений с моей семьей, даже косвенных. Как это ни странно, я не помню, чтобы на каком-либо писательском собрании в Смоленске Твардовский меня публично защищал. Может быть, это было на каком-то из собраний в мое отсутствие. Его положение, несмотря на успех "Страны Муравии", в писательской среде в Москве было еще неустойчивым, а в Смоленске продолжали действовать даже после стабильного успеха враждебные ему силы.

Смутно помню, что на последнем "прорабатывавшем" меня собрании присутствовал и сам Иван Жига, но не выступал. Его ярость разыгралась после моего ареста, в котором сам он все же не был повинен. Несмотря на "проработки", арест был для меня самого (по моей наивности тех лет) неожиданностью, ибо речь шла все же об ошибках, а не преступлениях. Но эту границу тогда было легко перейти.

Никаких "авербаховцев" вообще не было, ибо все ближайшие люди — Фадеев, Ермилов, Либединский — уцелели, а самого Авербаха посадили в 1937 году вовсе не за его рапповскую белиберду, а за связь с Кабаковым, секретарем Свердловского обкома, в общем ходе сталинского истребления высшего партийного состава и цвета интеллигенции.

Твардовский был в числе тех, кого Сталин решил сохранить и даже поощрить, и это на некоторое время подействовало на Твардовского. Как поэта его спас народный порыв в борьбе с фашизмом. Ответ — "Василий Теркин". И затем он прошел через длительный кризис, из которого вышел силой своего таланта и правдивого чувства. Но об этом я уже писал.

Все же и в период своих иллюзий он сохранял порядочность и друзей не предавал, хотя рыцарем без страха и упрека был все же относительным. Например, друзья Заболоцкого более смело и упорно помогали ему и его

семье после смерти Заболоцкого и во время его заключения. В дальнейшем наша дружба с Твардовским восстановилась уже после моей реабилитации. Но я никогда не обращался к нему за помощью, и в целом могу все же похвастать, что он был мне более обязан, чем я ему, ибо истоком ненависти Горбатенкова и К° ко мне была именно защита мной Твардовского и помощь Твардовскому роду. Но это было просто моим долгом, как критика и человека».

Это поистине бесценное свидетельство ученого и литератора, жившего напряженными творческими исканиями, дружившего с великим поэтом мужественной дружбой и внезапно ставшего бесправным пленником НКВД, нуждается в тщательном исследовании и комментировании. Видно, что когда А. В. писал мне, он снова жил в том страшном времени, и не только памятью ума, но и памятью чувства. Кое о чем он умалчивает или говорит глухо, в некоторых темах не доходит до конца. Однажды в разговоре он мне сказал приблизительно то же, что в приведенном письме, — что особенно близкие отношения связывали его с Твардовским в начале и в конце их дружбы; моя попытка понять, что их на время отдалило, ни к чему не привела: А. В. не стал углубляться в обстоятельства.

Когда А. В. писал мне, он упустил еще два страшных обвинения, которые ему клеили, — участие в контрреволюционной организации смоленских писателей и враждебные разговоры с Твардовским о вождях партии и государства; теперь мы знаем о них, потому что получили доступ к делу А. В. в архиве управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области. По-видимому, он не забыл, что в то время, как он отбывал срок в Воркуте, Твардовский много писал о Сталине, Ленине и партии, кандидатом в ЦК которой он позже несколько лет состоял. К этому периоду относятся слова о том, что когда Сталин решил сохранить и поощрить Твардовского, это на него подействовало. Горечь А. В. понятна. Слова о выходе поэта из длительного кризиса подразумевают, кроме «Василия Теркина», первую редакцию «Теркина на том свете», а затем вторую редакцию поэмы «За далью — даль», исповедническую лирику второй половины 50-х — 60-х гг., последнюю поэму «По праву памяти», героическую борьбу во главе «Нового мира» против попыток рестаилинизации, демагогии, за Солженицына, за демократию и социализм с человеческим лицом.

* * *

26 июня 1938 г. была арестована мать А. В. В ее деле сохранились ордер на арест, ордер на обыск, протоколы допросов людей, которые давали показания о ее антисоветской деятельности, и протоколы ее допросов с категорическим опровержением этих доносов. Далее следует справка о приговоре «тройки» от 16 июля: расстрелять. И справка от 26 июля: приговор приведен в исполнение. Согласно документам ее дела, ей припомнили и ее эсэровское прошлое, но А. В. мне говорил и писал, что истинной причиной ее гибели стали демонстративные заявления о невиновности сына и попытки облегчить его

участь. Она преподавала в техникуме английский язык и каждое занятие начинала с того, что возмущенно говорила об аресте ни в чем не повинного сына. С требованиями о его освобождении она обращалась в различные инстанции. До А. В. после его освобождения дошел через третье лицо рассказ одного из тюремщиков о том, что в действительности Екатерину Львовну застрелил во время допроса следователь, когда она, не выдержав оскорблений и попыток заставить ее давать ложные показания, бросила в него чернильницу (письмо от 05.07.88).

* * *

Благодаря хлопотам жены, Твардовского и Исаковского, А. В. был вынесен мягкий по тому времени приговор: восемь лет лагерей. В действительности он провел в концлагере в Воркуте восемь с половиной лет, до 29 мая 1946 г. И после приговора Твардовский и Исаковский несколько раз пытались добиться улучшения судьбы А. В. Он был уверен, что если бы не началась война, в конце концов им это бы удалось. 6 апреля 1939 г. они писали, обращаясь к прокурору Смоленской области: «Мы просим Вас, товарищ прокурор, назначить дело А. В. Македонова на пересмотр и лично ознакомиться с ним, так как речь идет о ярко одаренном человеке, который, по нашему внутреннему убеждению, по тому, что мы знаем о нем, явился, быть может, жертвой невнимательного следствия или злобной клеветы» («Сельская новь». 1992, 4 декабря; см. также «Юность» за 1989 г., № 2 и 6).

* * *

В Воркуте А. В. сначала был на общих работах, затем на должности технолога комбината «Воркутуголь», а после освобождения работал там же геологом научно-исследовательского отдела, сдав экзамены сначала на технолога-геолога, затем инженера-геолога. В 1950 г. он заочно закончил с отличием географический факультет Саратовского университета и стал работать последовательно заведующим литологической лабораторией комбината «Воркутуголь», начальником литолого-стратиграфической лаборатории Ненецкого геологического управления, начальником литологической партии.

В 1954 г. в Москве А. В. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук; его руководителем был крупнейший ученый в этой области академик Н. М. Страхов. В этом году за открытие нового литологического метода и его применение (попросту говоря, речь шла о новых эффективных способах обнаружения угольных пластов) с него была снята судимость (верховный организатор Большого террора к тому времени больше года как умер). Полностью реабилитирован он был после XX съезда КПСС, в 1956.

В 1960 г. А. В. поселился в Ленинграде и стал работать старшим научным сотрудником лаборатории угля АН СССР, затем — во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ), ездил в экспедиции, участвовал в больших международных конференциях, в 1965 г. защитил вторую (или третью?) диссертацию и стал доктором геолого-минералогических

наук. По геологической специальности у А. В. вышло пять монографий и приблизительно 200 статей.

* * *

Однако связей с Смоленском А. В. не порывал. Еще в Воркуте он написал книгу «Очерки советской поэзии»; она вышла в Смоленске в 1960 г. Здесь сформулировано представление о смоленской поэтической школе. По мнению А. В., она возникла в конце 1920-х гг. и просуществовала как вполне определенное самостоятельное явление до начала Великой Отечественной, после чего растворилась в советской поэзии, передав ей некоторые свои специфические особенности. Центром ее был Исаковский, самым большим поэтом стал Твардовский, еще одна крупная в масштабах школы фигура — Н. Рыленков. Близки к ней некоторые поэты, со Смоленщиной биографически не связанные, как, например, А. Яшин. Эти поэты приняли революцию, коллективизацию, изображали и утверждали то, что на официальном языке называлось социалистическими преобразованиями в деревне. В то же время А. Гитович, родившийся и сделавший первые литературные шаги в Смоленске, со смоленской поэтической школой никак не связан и принадлежит к совсем другой традиции, петербургско-ленинградской.

По разным причинам гипотеза А. В. была встречена настороженно. Он сам мне рассказывал, что Твардовскому она не понравилась: Твардовский считал, что никакой смоленской поэзии не было и быть не может; он справедливо видел себя фигурой всесоюзного масштаба, гипотеза же А. В., казалось ему, замыкает его в рамках этнографической, провинциальной литературы. Критики же тех первых послесталинских лет вообще не могли принять мысль о возможности каких-либо школ в единой поэзии социалистического реализма. Гитович на книгу А. В. откликнулся стихами:

Тридцать лет не бывал я в Смоленске,
Не видал — от греха своего —
Ни садов его в солнечном блеске,
Ни стены знаменитой его;

И закатов его, и рассветов,
Колыбелей его и могил...
И в смоленскую школу поэтов
Македонов меня не включил.

Не задумываясь особенно над гипотезой А. В., я просто не принимал ее во внимание. Книжку прочитал, мысль А. В. помнил, но не оценил ее и не думал о ней. В 1972–1973 гг. я кончал докторскую диссертацию о стихе русской советской лирики периода оттепели 1956–1965 гг. Вся она выполнена на статистике. Исследование велось с помощью некоторых методов корреляционного анализа. В стихотворениях 20 поэтов было выделено 29 индексов, каждый из которых получал значение от 0.01 до 0.99. И вот, занимаясь своими расчетами, я вдруг стал замечать близость количественных характеристик

индексов, представлявших тексты Твардовского, Исаковского, Рыленкова, Яшина. На шкалах рангового корреляционного анализа они обыкновенно стояли рядом.

Я понял, как прав был А. В. в своих наблюдениях и выводах о смоленской поэтической школе: если стих этих поэтов близок в конце их творческого пути, когда они, казалось бы, разошлись, ведомые каждый своей судьбой, то тем более они образовали определенное единство в начале, когда вступали на литературное поприще в постоянном личном и творческом общении, ориентируясь на одну и ту же поэтическую традицию.

В 1974 г. в Смоленском педагогическом институте состоялась большая научная конференция, посвященная творчеству Твардовского, Исаковского и Рыленкова. Я подготовил доклад на основе тех данных, которые изложены выше. Гипотеза А. В., подтвержденная статистическим исследованием, становилась теорией. Я прочитал свой доклад на секции стиховедения, А. В. его не слышал, но ему кто-то о нем рассказал. На следующий день во время перерыва А. В. подошел ко мне, выразил желание познакомиться со мной и с моими результатами. Потом познакомились и наши жены. Так началась наша дружба.

За «Очерками советской поэзии» последовали другие книги А. В. Двумя изданиями вышла монография о Заболоцком. «Творческий путь Твардовского: Дома и дороги» (М., 1981) стала лучшей книгой о поэте. «Свершения и кануны» (Л., 1985) — единственная монография о поэтике русской лирики советского времени. Мало радости принес А. В. сборник статей «Поэзия народного подвига» (М., 1986): по требованию издательства «Современник», его состав был очищен от работ о Мандельштаме и ему подобных. По странному, но не лишнему смыслу совпадению, в области истории и теории литературы, как и в геологии, А. В. стал автором пяти прижизненных книг и примерно 200 статей.

* * *

Тема о Твардовском — одна из самых главных в творческой жизни А. В. Он переживал перипетии издания стихов Твардовского в «Библиотеке поэта» и сам принимал в этом деле горячее участие. Позже я вернусь к этой теме, а сейчас приведу показательный фрагмент из письма А. В. Он рассказывает, что состав редколлегии обновлен «и полон хороших намерений; в частности, включил в план выпуска 1985 года издание Твардовского в Большой серии и надеется добиться включения в него “Теркина на том свете”». Как Вы знаете, предыдущий состав редколлегии небольшим большинством проголосовал против этого включения, а Мария Илларионовна правильно отказалась санкционировать издание избранного Твардовского без этой поэмы. Но, конечно, дело было не только в том составе редколлегии, и хотя новый состав обещает более разумное решение, имеются всякие указующие персты, которые могут все задержать. Предстоит некое преодоление глухой стены. Несмотря на то, что поэма эта вошла в два последних собрания сочинений Твардовского, а до этого уже публиковалась огромными тиражами! Выступавшие на обсуждении

люди дружно говорили о необходимости скорейшего издания Твардовского, подразумеваемая — с этой поэмой» (16.11.83).

Как станет ясно из дальнейшего, все препятствия, которых опасался А. В., действительно встали на пути многострадального издания, и оно было ампутировано.

Вот он мне пишет, что дорабатывает книгу о молодом Твардовском, хотя понимает, что «сейчас это далеко не модная тема. Но в ней я хочу показать драму и трагедию очень большого таланта на пути поиска правды, конкретной реализации светлого нового идеала, в который он поверил. И показать, как сквозь все иллюзии и навязанные схемы просвечивала и реальность порыва миллионов людей к новому, высшему типу общества, к новому решению проблем единоличного хозяйства в деревне и других жизненных проблем всего народа, просвечивала и суровая реальность уже выявившейся страшной сути сталинского обмана, лицемерия, реальная изнанка того, что было и на что надеялись. Думаю, что такая книга является не только моим долгом по отношению к памяти Твардовского, но и сейчас полезна, тем более, что к этому периоду относятся уже и ряд достижений Твардовского, — живущих и сейчас замечательных стихотворений. Так бывает в истории со многими иллюзиями и верами» (03.03.89).

Для меня очевидно, что заключительную мысль А. В. высказывает применительно столько же к своему великому другу, сколько и к себе самому.

Через год А. В. сообщает: «Написал еще одно маленькое эссе под названием «Феномен Твардовского и феномен Солженицына», которое послал в одну газету, но ответ еще не получил. Эту тему следовало бы развернуть. Должен сказать, что сейчас все значение феномена Твардовского в какой-то степени затенено и недооценено. И его еще надо заново открывать» (18.05.90).

В связи с этим А. В. несколько раз выражал сожаление по поводу того, что я, преклоняясь перед Твардовским и любя его, не занимаюсь им сколько-нибудь регулярно, как Пушкиным, Пастернаком, Самойловым, Рыленковым. Я оправдывался тем, что великое множество исследователей посвятило Твардовскому великое множество книг и статей; а он уверял меня, что тут непочатый край работы. Иногда мне казалось, что он не без лукавства вовлекает меня в свои размышления и труды о Твардовском, надеясь, что и я займусь им вплотную. И только после смерти моего друга я начал более плотно обращаться к этой животрепещущей теме.

Большую темпераментную статью «Трагические рабочие тетради Твардовского» А. В. посвятил опубликованным Марией Илларионовной в «Знамени» материалам из архива поэта за 1953–1960 гг. После неудачной попытки напечатать ее в одном журнале А. В. передал ее мне с просьбой поспособствовать ее опубликованию. Я включил ее в том первый ученых записок Смоленского гуманитарного университета «Русская филология» (1994. С. 348–365). Она стала первой посмертной публикацией А. В.

* * *

Иногда в разговорах и в нашей переписке А. В. касался трудных вопросов биографии Твардовского и истории его семьи. Из уважения к памяти поэта и

его и моего друга не считаю себя вправе скрыть эти мысли А. В. Я принадлежу к числу тех, кто считает, что документы должны быть опубликованы с возможно большей полнотой независимо от того, нравится или нет нам их содержание. Утаивание их для меня лежит где-то рядом с обманом, мошенничеством, воровством. Достаточно мы настрадались от государственной и негосударственной, официальной и неофициальной цензуры.

Так же полагал сам Твардовский, упорно публикуя в «Новом мире», номер за номером, настойчиво и бесстрашно проводя их сквозь цензуру, целые комплексы писем, мемуаров, дневников, иных документов, бросавших свет правды на темные, обыкновенно намеренно затемнявшиеся углы нашего прошлого. В. Я. Лакшин однажды шутя мне сказал, что они даже побаиваются, как бы их «Новый мир» не пришлось переименовать в «Русскую старину». Так же думал, как видно из приводимого ниже письма, и А. В.

Разумеется, при любой публикации писем следует учитывать интересы современников, которых они касаются. Купюры неизбежны. Только по прошествии более или менее значительного времени становится возможна полная публикация переписки, таково общее правило.

«Читал я публикацию писем А. Т. Марией Трифоной [«Рабочий путь». 1982, 10 августа; Мария Трифонова — сестра А. Твардовского] и вполне приветствую ее. Чисто бытовое содержание этих писем также характеризует Твардовского, в частности, показывает его заботу о семье, чувство долга и ответственности и перед этой ветвью семьи <...>. Получил <...> отклики братьев Константина Трифоновича и Ивана Трифоновича на высказывания А. Т. в его юношеских дневниках, опубликованных в «Литературном наследстве» [Т. 93, М., 1983. С. 290, 300–304], стараюсь по-прежнему объяснить необходимость и таких публикаций, законность стремлений молодого А. Т. оторваться от родной почвы и от тесноты исходной семейной ячейки, когда его позвала дорога в даль и когда его одушевляло стремление пойти другим, не отцовским путем. Хотя он не был тогда вполне справедлив в оценке этого пути, сама эта несправедливость была делом большого слоя молодежи и не только молодежи и воодушевлялась верой в близкий путь к светлому будущему.

Вспомните и Пастернака — «Ты рядом, даль социализма». Это писалось почти накануне убийства Кирова и всего последующего, и все же за этим была правда не только иллюзий, но и силы идеалов. Я, помню, был таким же. Интересно, касаетесь ли Вы этой проблемы в книге о Пастернаке? И темы соотношения новой и старой мифологии с конкретной исторической реальностью?» (27.07.83).

Могу сказать, что в монографию «Б. Пастернак — лирик» (Смоленск, 1993) я включил главу «Пастернак и Сталин», в которой, к неудовольствию некоторых неразумных апологетов Пастернака, постарался показать истинное положение великого поэта, со всеми притяжениями и отталкиваниями, в Советском Союзе 1930–1950-х гг., вопреки происходившей и происходящей мифологизации его образа.

А. В. глубоко интересовала и привлекала вся большая, разветвленная семья Твардовских. Несколько раз он говорил и писал мне с предельным уважением о жене Твардовского Марии Илларионовне, о талантливости всего рода Твардовских, с увлечением рассказывал о братьях поэта, особенно об Иване Трифоновиче. После подробного сообщения о смертельной болезни своей жены он все-таки пишет, как обычно входя во все подробности темы: «В Смоленске уже появилась книга Ивана Твардовского [На хуторе Загорье. М., 1983]. Каково Ваше впечатление? Сам он писал мне, что книгу ему очень испортили московские редактора. Но думаю, что все равно она должна быть интересной. Здесь, в Ленинграде, ее еще нет в продаже. Один из хозяйственно-географических парадоксов нашей книготорговли!» (23.09.83).

«О книге Ивана Твардовского. Переписка с братьями и сестрой по-прежнему занимает немало времени, и я не вправе жалеть его на это дело. Так же как считаю себя обязанным просматривать всякие исходящие от них или связанные с ними и с самим А. Т. материалы. <...>. Кроме переписки я не раз длительно беседовал и с ним, когда он приезжал в Ленинград, и с Константином, и с Марией Трифоновной. И Константин, и Иван, несмотря на серьезные их разногласия, производят впечатление искренности и несуетности. И оба, как я Вам уже писал, кажется, заслуживают глубокого уважения и за свой многострадальный путь, и за свою удивительную в своем роде одаренность, жизнестойкость, тягу к духовности. Ошибки имеются у обоих, и у обоих имеется стремление создать свою концепцию семьи, ее судеб, в частности отстоять свою оценку роли отца, которого оба по-своему чтут, причем Константин изображает его в гораздо более идеальных тонах, чем Иван. У обоих есть и претензии к А. Т., которые можно отвергать, но которые все же следует понимать, учитывая реальные исторические и личные основы таких претензий. <...>.

А что касается существа дела — судьбы семьи, раскола в ней, отношения к молодому поэту, только начинавшему, — то основное, сколько могу судить, изложено и понято правильно. Согласуется и с тем, что я когда-то слышал от самого А. Т., и с тем, что можно уловить из, так сказать, перекрестных разных свидетельств. Такого рода расколы в семье были обычным и типичным явлением тех лет, и А. Т. был совершенно прав, отстаивая свое призвание; и можно понять его резкие фразы в дневнике, хотя они и тогда не исчерпывали всю его позицию по отношению к семье, что и я могу засвидетельствовать. Все было гораздо более сложно. И книга И. Т. дает некоторое, хотя и неполное, но близкое к истине, представление об этой сложности.

Конечно, такие люди, как Трифон Гордеич, не смогли вовремя понять перспективы начинавшего А. Т.; И. Т. это и не замазывает; нет; но он прав, что любовь к книге, какое-то чувство поэзии шли не только от самого А. Т. и от всей обстановки культурной революции тех лет, но и в какой-то мере от этого деревенского кузнеца, при всех его стремлениях во что бы то ни стало выбиться в люди, обеспечить семью крестьянским трудом; при всех

его сомнениях в будущем своего второго сына; при всем его стремлении сделать из него второго работника и наследника; при всех крупных недостатках его характера. Признание этого факта вовсе не мешает признанию правоты общего пути А. Т.

Довольно труден и вопрос об обидах братьев на отмежевавшегося от них брата, хотя это отмежевание было вызвано и горькой необходимостью, и тогдашними убеждениями самого А. Т. Впрочем, эти вопросы мы, кажется, с Вами уже обсуждали.

Некоторые детали в книге И. Т. производят впечатление явной путаницы, об этом я ему уже говорил и сейчас пишу специальное письмо. Но кое-что, что кажется явным вымыслом, на самом деле может быть и не вымысел. Например, его информация о чтении А. Т. при жизни матери отрывка из стихов, вошедших в цикл "Памяти матери". Это может быть грубый ляпсус, и может быть вовсе не ляпсус. И. Т. пишет в обоих вариантах воспоминаний, которые я читал, о том, как А. Т. и мать вместе пели песню, цитата из которой стала эпиграфом заключительного стихотворения цикла. И о том, что при этом он уже тогда добавил от себя четверостишие, вошедшее в это стихотворение. Но если вчитаться в стихотворение, то напрашивается мысль, что какие-то куски и варианты его могли рождаться задолго до смерти матери. И вообще трудно допустить, что весь этот цикл с такой замечательной скоростью был написан целиком только после ее смерти. Так это или не так, по данным книги И. Т. и его памяти, конечно, решить нельзя. Можно спросить еще и Анну и Константина, но их память также недостаточный свидетель. Я обращался в свое время с вопросом к Марии Илларионовне, просил меня ознакомить с подготовительными материалами к этому циклу. Так как знал, как долго и сложно рождалось стихотворение "Братья". М. И. никак не реагировала на этот вопрос. Вероятно, в дальнейшем и эти рабочие тетради будут опубликованы, а пока приходится лишь соблюдать осторожность и не отвергать заранее свидетельства, исходящие от близких в той или иной мере А. Т. людей, совершенно в данном случае не заинтересованных в каком-либо вымысле. Исходя из общей предпосылки, что из противоречивых свидетельств тоже можно выявить реальное ядро истины.

Этим я попытался отчасти заняться, сопоставляя разные письма, воспоминания, устные рассказы. Очень углубляться в биографическую часть я не имею возможности, но в какой-то мере должен ее коснуться и в книге о молодом Твардовском, которую, кстати сказать, пока я еще не мог "пристроить" в то издательство, где она по первоначальной договоренности должна была печататься еще в 1984 г. И так или иначе должен буду коснуться всей семьи Твардовского, в том числе и этих проблем, в той книге воспоминаний, которую собираюсь успеть написать.

А судьба этой семьи в целом, а не только великого поэта, из нее вышедшего и от нее оторвавшегося, но как-то потом с ней опять соединившегося, — судьба эта достойна внимания не только истории литературы, но и истории Карамзина, пользуясь выражением, кажется, Герцена; ибо в этой судьбе сконцентрировались большие судьбы народные. При встрече с Вами

мы еще обсудим эти вопросы, ибо Вы, несомненно, — вполне беспристрастный судья. Пока что я подожду ответа И. Т. на мое письмо с некоторыми к нему вопросами» (10.10.83).

О моем слишком недолгом и неблизком знакомстве с И. Т. Твардовским я написал в этой книге в главе «Несостоявшаяся дружба».

* * *

Биография А. В. свидетельствует о его сильном характере. Из того, что я рассказал о трудах А. В. в двух столь несхожих областях, как литературоведение и геология, ясно, каким далеко не заурядным мыслительным аппаратом он обладал, как интенсивно работал, как продуктивна была его научная деятельность. Он поразительно быстро читал. Некоторое время тому назад у нас увлекались «быстрочтением», появились специальные курсы, книги на эту тему. Я видел, как без всяких курсов А. В. в течение нескольких секунд пробежал глазами страницу машинописи, после чего обсуждал ее со мною самым естественным образом, зная ее так же, как я, прочитавший ее в течение одной-двух минут. У меня есть возможность привести свидетельство того, как страстно и, казалось бы, нерационально, волнуясь и спеша, захлебываясь и обуздывая себя, перехлестывая и вновь себя ограничивая, писал А. В. Вот отрывок (весьма типичный) из его недатированного письма. Поскольку речь идет о вступительной статье к изданию 1986 г., письмо можно предположительно датировать 1984–1985 гг.

«Последние дни у меня были целиком поглощены ликвидацией сверхзадолженностей, накопившихся за время моей болезни. Только на днях сдал наконец сокращенный до трех листов текст своей вступительной статьи к изданию Твардовского в “Библиотеке поэта”, о чем Вам писал. Вместо договорных 2,5 листов получилось все же 3 листа, но издательство как будто согласно на это небольшое увеличение. Статья потребовала от меня гораздо больше труда, чем я первоначально собирался в нее вкладывать, первый вариант разросся до 240 страниц, второй до 100 и только третий уложился в 67. Все это разрастание произошло за счет желания лучше разобраться в истоках Твардовского, судьбе семьи, с учетом новых материалов и т. п., и почти все это пришлось сократить с надеждой использовать в книге о раннем Твардовском, перспективы издания которой все еще остаются неопределенными.

А теперь предстоит еще иметь дело с обычными трудностями прохождения, преодоления всяких редакторских и прочих опасений и т. п. Дело это уже, к сожалению, привычное, хотя и порядком надоевшее».

* * *

Близкая дружба связывала А. В. и Раису Абрамовну с Ф. Абрамовым и его женой. Время от времени при моих наездах в Ленинград А. В. и Раиса Абрамовна рассказывали мне о впечатлениях от общения с ними. Творчеству Абрамова, одного из замечательных «новомирских» писателей, А. В. посвятил серьез-

ную статью. Смерть Абрамова была и для него, и для Раисы Абрамовны тяжелым переживанием. Следующее письмо показывает, с каким вниманием А. В. относился к своим друзьям, сопереживал им, как умел входить во все подробности чужих бед. Заключительная обобщенная характеристика Абрамова со стороны близко знавшего и любившего его человека, выполненная под свежим впечатлением от тяжелой утраты, будет принята во внимание биографами Абрамова.

«У нас тут главным и печальным событием последнего времени была смерть Абрамова, о которой Вы уже знаете из газет. Для Р. А. и меня это был большой удар — и неожиданный. Хотя мы и знали, что он опасно болен, но не предполагали, что до такой степени опасно. Удар был неожиданным и для врачей.

Абрамов лег на вторую операцию через шесть месяцев после того, как ему удалили половину одного из легких из-за проникшего в них эхинококка. Лег после того, как у него обнаружилась так называемая механическая желтуха, когда он собрался ехать с женой в Испанию, по дороге, в Москве. Затем в больнице выяснилось, что причина — камни в желчном пузыре. Попытки жены обойтись без операций не дали результатов. Пришлось согласиться на операцию. Оперировала женщина-хирург, считающаяся крупным специалистом в этой области, но она ожидала, что это будет сравнительно простая операция; в ходе ее выяснилось, что очень много гноя в желчных протоках. Долго чистили. Четыре часа Ф. А. был под наркозом. И это, по мнению одного из врачей, возможно, было для него слишком опасно, хотя и оставлять гной также было опасно.

Сначала все же казалось врачам, что операция прошла благополучно, как говорится, “нормально”. После операции, как “нормально тяжелого”, его поместили в реанимационное отделение. И предупредили все же родных, что не ручаются за его жизнь. На второй день, вечером, в пятницу, его посетила оперировавшая хирург; он с нею долго говорил, делился планами и т. д., затем посоветовал ей пойти домой отдохнуть. Она ничего опасного не заметила. Якобы была сделана кардиограмма, которая ничего опасного не обнаружила.

Жену в это время к нему, согласно строгим правилам, не пускали. Он остался один, вероятно — вместе с дежурной медсестрой. Дежурство врача-кардиолога не было организовано. Около 23 часов 50 минут он почувствовал себя внезапно плохо, и в полночь сердце остановилось. Четыре часа усилий реаниматоров оказались бесполезными.

Все это мы знаем со слов нашей заведующей поликлиникой и отчасти родных, которых известили о смерти только утром. И ряд печальных деталей указывает на небрежность и некомпетентность лечащих, вместе с самоуверенностью и формализмом.

Жену упорно не пускали в реанимационное отделение, а когда утром в пятницу она все-таки прорвалась, то обнаружила, что около больного вообщем никого нет. Весь мед. персонал ушел на какое-то мед. совещание. Жена

подняла скандал вплоть до обкома партии. Был как будто организован дежурный пост, но ее по-прежнему к мужу не пускали. Только после настойчивого вмешательства со стороны ей разрешили прийти на следующий день к 10 часам утра вместе с заведующей писательской поликлиникой. А к этому времени сообщили, что Абрамов умер.

Вскрытие якобы показало полную изношенность и перерождение и сердца, и печени, и почек, но в какой степени это правда, а в какой — желание спасти честь мундира, больницы, неизвестно. И неизвестно, кто был и что делали с ним, когда он умирал. А реанимационное отделение, в которое его положили, имеет репутацию одного из самых плохих в Ленинграде, хотя в городе есть великолепные реанимационные отделения и великолепные кардиологи, одна из которых хорошо знала Абрамова и много лет наблюдала за его сердцем. Никто из них не был привлечен на помощь, несмотря на всю тяжесть второй операции. В общем, степень вины врачей еще не выяснена, но общее мнение склоняется к тому, что Ф. А. еще можно было спасти, если бы были приняты должные меры предосторожности.

Это тем более было необходимо, что оперировали человека, у которого уже раньше были тяжелые сердечные явления, который был дважды тяжело ранен на войне, который перенес тяжелейшую операцию с удалением половины легкого, одного из ребер и т. д. Все это произошло в крупном медицинском центре со знаменитым писателем, который лечился, казалось бы, в привилегированных условиях под наблюдением особо квалифицированных врачей.

Да, очень жаль и очень как-то обидно.

Мы не были очень близки с Ф. А., мои взгляды с его взглядами во многом расходились, часто мы резко спорили; но тем не менее мы вообще дружили; особенно хорошо он относился к Раисе Абрамовне. Его творчество я очень высоко ценю, а человек он был сложный, противоречивый, но в главном — очень хороший, честный и смелый. И в творчестве и в повседневной жизни он действительно, не на словах, а на деле жил интересами страны, народа, как он их понимал, болел их болью. И последние годы он переживал несомненный нравственный и творческий подъем, искал новые пути, новые темы. Часто посещали его мрачные предчувствия, не раз он говорил, что долго не проживет; в частности, говорил одной нашей общей знакомой, что если Твардовский прожил только до 61 года, то чем он, Абрамов, лучше. Завещал себя похоронить — уже давно — в родном селе Верколе Архангельской области.

А в Доме писателей была гражданская панихида. В ней тоже было много поучительного и были интересные, не предусмотренные начальством выступления Белова и др. Но об этом расскажу Вам в другой раз. Мы все еще не вполне очухались от этой потери.

Но мой письменный стол упорно напоминает о себе и этим утешает. Главный напор на меня идет сейчас с одной стороны от неотложных геологических обязательств, которые я как-то не успеваю в сроки исполнять, а с другой — от самого Абрамова. В прошлом году я написал о нем статью, сдал в печать, хотя написал второпях и нехорошо. Взятая потом написать статью для журнала, она у меня сильно разрослась, и затем я от нее оторвался. Он знал, что я за нее взялся, и вот при жизни уже мне ее ему не показать» (22.05.83).